
Translation and Theatrical Reception of World Literature in the Jadid Periodicals of Turkestan in the Early Twentieth Century

Teshabaeva Dilfuza Muminovna

d.teshabayeva@uzswlu.uz

DSc, Professor,

Uzbekistan State World Languages University

Zamira Mametovna Sabiralieva

Head of the Department of World Literature,

Institute of Philology and Intercultural

Communication,

Osh State University

Annotation

The article examines how Jadid periodicals in early twentieth-century Turkestan mobilized translation and theatrical culture as interconnected channels for the reception of world literature. It argues that translated fragments, retellings, critical commentary, and theatre-related sections served pedagogical and modernization goals rather than purely aesthetic ones. By privileging compact genres (fable, short story, dialogic scene, essay) and by relying on paratextual infrastructures (subscription notices, book announcements, theatre advertisements), the press shaped a new reader: a disciplined participant in public discussion, trained in causal reasoning and encouraged to apply reading to practical questions of schooling, family ethics, and civic responsibility. Methodologically, the paper combines historical-literary analysis, media history, and a paratextual lens that treats reading infrastructure as a condition of cultural reform. The conclusion is that Jadid engagement with world literature was a strategy of cultural mediation in which translation and theatre functioned as tools for producing modern publicness.

Keywords

Jadidism, periodical press, world literature, translation, theatre culture, literary criticism, paratext, Turkestan, modernization

XX asr boshida Turkiston jadid davriy matbuotida jahon adabiyotining tarjima va teatr orqali qabul qilinishi

Teshabayeva Dilfuza Muminovna

d.teshabayeva@uzswlu.uz

Filologiya fanlari doktori (DSc), professor,

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Sabiraliyeva Zamira Mametovna

Jahon adabiyoti kafedrasini mudiri,

Filologiya va madaniyatlararo

kommunikatsiya instituti,

Osh davlat universiteti

Annotatsiya

Maqolada XX asr boshidagi Turkiston jadid davriy matbuotida jahon adabiyotining tarjima va teatr madaniyati orqali qanday qabul qilingani tahlil qilinadi. Tarjima parchalar, qayta hikoya, tanqidiy izohlar va teatr rubrikalari nafaqat estetik, balki pedagogik hamda modernizatsion vazifani bajargani ko'rsatiladi. Qisqa janrlar (masal, hikoya, dialogik sahna, ocherk) tanlanishi, shuningdek, paratekst (obuna e'lonlari, kitob yangiliklari, spektakl e'lonlari) orqali matbuot yangi o'quvchini shakllantirdi: u muntazam o'qiydigan, mantiqiy sabab-oqibat fikrlashni egallagan

va o'qiganini maktab, oila va ijtimoiy mas'uliyat masalalariga tatbiq qila oladigan subyektdir. Metodologiya tarixiy-adabiy tahlil, media tarixi va paratekstual yondashuvni birlashtiradi. Xulosa shuki, jadid matbuotida jahon adabiyotiga murojaat madaniy vositachilik strategiyasi bo'lib, unda tarjima va teatr modern ommaviylikni yuzaga keltiruvchi vositalar sifatida ishlagan.

Kalit so'zlar *Jadidchilik, davriy matbuot, jahon adabiyoti, tarjima, teatr madaniyati, adabiy tanqid, paratekst, Turkiston, modernizatsiya*

**Перевод и театральная
рецепция мировой литературы
в джадидской периодике
Туркестана начала XX века**

Тешабаева Дилфуза Муминовна
d.teshabayeva@uzswlu.uz
Доктор филологических наук (DSc),
профессор,
Узбекский государственный университет
мировых языков

Сабиралиева Замира Маметовна
Завкафедрой всемирной литературы,
Институт филологии и межкультурной
коммуникации,
Ошского государственного университета

Аннотация *Статья анализирует, каким образом джадидская периодика Туркестана начала XX века использовала перевод и театральную культуру как взаимосвязанные каналы рецепции мировой литературы. Показано, что переводные фрагменты, пересказы, критические заметки и театральные рубрики выполняли не только эстетическую, но прежде всего педагогическую и социально-модернизационную функцию. Через выбор жанров (басня, рассказ, диалогическая сцена, очерк) и сопровождающие парекстуальные элементы (объявления о подписке, книжных поступлениях, постановках) печать формировала нового читателя – дисциплинированного участника публичного обсуждения, ориентированного на причинно-следственное рассуждение и на практическое применение прочитанного к проблемам школы, семьи и общественной этики. Методологически работа сочетает историко-литературный анализ, медиаисторический подход и парекстуальную оптику, позволяющую увидеть инфраструктуру чтения как ключевое условие эффективности культурной реформы. Делается вывод о том, что обращение к мировой литературе в джадидской печати являлось стратегией культурного посредничества, где перевод и театр функционировали как инструменты производства современной публичности.*

Ключевые слова *Джадидизм, периодическая печать, мировая литература, перевод, театральная культура, литературная критика, парекст, Туркестан, модернизация*

Введение

Вопрос о культурной модернизации в Туркестане начала XX века традиционно связывается с реформой школы и формированием «нового метода» обучения. Однако социальная устойчивость любых образовательных преобразований зависит от более широкого культурного контура: от практик чтения, от доверия к печатному слову, от навыков интерпретации и обсуждения, наконец, от способности аудитории переводить знания в повседневные решения. Джадидская периодика стала ключевым институтом, где эти элементы соединились: газета и журнал работали как площадка для воспитания нового типа читателя и как механизм запуска публичного разговора о норме.

Смежной к «школьной» тематике является линия рецепции мировой литературы. На уровне конкретных газетно-журнальных практик она проявлялась не только в переводах художественных текстов, но и в театральные рубрики, рецензиях, объявлениях о постановках, сообщениях о книгах и подписке. Два канала – перевод и театр – в рамках джадидской печати часто функционировали совместно: перевод подготавливал читателя к новому жанру, театр расширял аудиторию за счет коллективного восприятия, а периодика связывала оба канала через обсуждение и информационную инфраструктуру.

Цель статьи – показать, каким образом перевод и театральная культура в джадидской периодике Туркестана начала XX века выступали как инструменты культурного посредничества и производства современной публичности. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. описать жанрово-медийные формы присутствия мировой литературы в периодике;

2. выявить педагогические функции перевода и критического комментария;
3. рассмотреть театр как канал рецепции и как технологию расширения аудитории;
4. проанализировать парекст (объявления, подписку, книжные сообщения) как инфраструктуру чтения.

Теоретическая рамка и историографический контекст

В современных исследованиях джадидизм понимается как программа культурной реформы, включающая школу, печать, литературные практики и общественную активность. Существенно, что реформаторы работали не только с «содержанием» (какие знания передавать), но и с «формой публичности» (как обсуждать, кто имеет право говорить, какие жанры легитимны). В этом отношении периодическая печать выступала не вторичным каналом распространения идей, а институциональным ядром, способным формировать режимы внимания и нормы участия. Подход А. Халида позволяет рассматривать печать как пространство реформы, где создается новый тип публичного разговора и новый образ читателя (Khalid, 1994; Khalid, 1999).

Для анализа рецепции мировой литературы продуктивно выделить три уровня. Первый – уровень текста: перевод, пересказ, публикация фрагментов, драматических сцен, критический комментарий. Второй – уровень медиаорганизации: рубрикация, регулярность, объем номера, цензурные ограничения, адресат. Третий – уровень инфраструктуры чтения: подписка, книжные лавки, объявления о поступлениях, сведения о публичных чтениях и постановках. Именно третий уровень часто остается «невидимым» в литературоцентричных

описаниях, хотя он определяет устойчивость практик рецепции.

В качестве дополнительного теоретического фона важна идея о том, что печать участвует в конструировании воображаемых сообществ (Anderson, 1983). В случае Туркестана речь не обязательно идет о национализме в узком смысле; скорее, периодика создавала воображаемое сообщество читателей как социальную группу, объединенную регулярным доступом к печатному слову и общими темами обсуждения. Мировая литература в таком пространстве выполняла функцию расширения культурного горизонта и одновременно служила языком сравнения, позволяющим описывать локальные проблемы через «внешние» сюжеты.

Наконец, для театральной линии значимы наблюдения о том, что театр в Центральной Азии в XX веке стал формой артикуляции модерности, где эстетика тесно связана с публичной моралью и социальным проектированием (Adams, 2005). Драматическая форма, по сути, превращает норму поведения в сценическое событие, что делает ее сильным инструментом педагогики для аудитории с неравномерной грамотностью.

Материалы и Метод

Полный корпус джадидской периодики сохранился неравномерно, а доступ к отдельным выпускам зависит от архивной сохранности и публикаций исследователей. В данной работе используется типологическая стратегия анализа. Опорой служат исследования, описывающие роль печати и реформаторские задачи джадидов (Khalid, 1994; Khalid, 1999), а также работы по театральной модерности региона (Adams, 2005) и по литературной политике в более широком историческом контексте (Allworth, 1964). Дополнительно учитываются современные подходы к переводу как культурному посредничеству и к трансрегиональной циркуляции

литературных текстов (Maguire & McAteer, 2024).

Методологически статья сочетает:

- историко-литературный анализ (жанры, функции, культурные смыслы);
- медиаисторический подход (режимы распространения и участия, институциональные ограничения);
- парекстуальную оптику (объявления, редакционные ремарки, рубрики как «инструкция чтения»).

Исследование ориентировано на выявление повторяющихся механизмов, а не на исчерпывающий каталог переводов и постановок. Такой выбор обусловлен задачей понять, почему именно перевод и театр оказались эффективными каналами рецепции мировой литературы в условиях ограниченного рынка печати и неоднородной грамотности.

Периодика как медиатор мировой литературы

Джадидская газета и журнал задавали новый режим чтения. Газета обучала регулярности и фрагментарному восприятию: номер строился как набор рубрик, а читатель привыкал распределять внимание между новостью, публицистикой, культурной заметкой и объявлением. Журнал предлагал «медленное чтение»: большие тексты, развернутые аргументы, критические статьи. В сумме эти форматы создавали культурный навык: читать не эпизодически, а системно.

Внутри такого медиального режима мировая литература появлялась в трех основных формах.

Первая форма – перевод фрагмента.

Периодика охотно публиковала короткие тексты или части произведений, которые можно было вместить в номер и снабдить пояснением. Выбор фрагментарности был не только вынужденным (объем, цензура), но и педагогически удобным: короткий текст легче обсуждать и использовать в школе.

Вторая форма – пересказ и адаптация. Здесь редакция фактически

«пересобирала» сюжет, усиливая морально-дидактический потенциал. Пересказ позволял переносить произведения, которые трудно переводить полностью (по объему или языковым причинам), и одновременно давал читателю схему интерпретации.

Третья форма – критический комментарий. В ряде случаев центральным становился не художественный текст, а объяснение: почему важно читать, как устроен жанр, чем полезен автор, как применять смысл к локальной повестке. Тем самым формировался «читатель-интерпретатор», который должен уметь извлекать выводы, а не только потреблять сюжет.

Эти формы дополнялись четвертым измерением – парекстом, который обеспечивал практическое участие. Объявление о подписке, сведения о книгах и постановках, сообщения о сборе средств на школы и библиотеки превращали чтение в социально организованную практику, а не в частный акт.

Переводная практика и стратегии адаптации

Перевод в джадидской периодике следует рассматривать как педагогическую технологию и как механизм культурного посредничества. Его функция выходила за рамки «передачи смысла»: перевод конструировал адресата и задавал стандарты публичного рассуждения. Неслучайно переводные тексты часто сопровождалась рамкой – предисловием, ремаркой, заголовком, который направлял интерпретацию.

Можно выделить несколько устойчивых стратегий.

Публикация коротких текстов решала сразу несколько задач. Во-первых, она соответствовала объему газетной страницы. Во-вторых, она облегчала коллективное чтение: небольшой перевод можно прочитать вслух и обсудить. В-третьих, фрагмент создавал эффект продолжения:

читатель ожидал следующего номера, формируя привычку регулярного чтения. Тем самым перевод работал на дисциплину внимания – ключевую культурную предпосылку модернизации.

Адаптация не обязательно означала искажение. Скорее, она означала выбор релевантных смыслов и их акцентирование: образование, трудовая этика, ответственность, вред невежества, необходимость самокритики. Подобная селекция особенно понятна, если вспомнить, что перевод в разных регионах часто ориентирован на локальные дискурсы и институты (Maguire & McAteer, 2024). Джадидская периодика, как правило, предпочитала тексты, где мораль легко соединяется с социальным действием.

Перевод знакомил читателя с жанровыми моделями, которые в традиционной словесности могли быть менее распространены или имели иные функции. Короткий рассказ развивал причинно-следственное мышление: поступок – последствия – вывод. Басня обучала аллегории и метафорической интерпретации. Диалогическая сцена подготавливала к драматическому восприятию. Таким образом, перевод выступал «учебным материалом» по культурной компетентности.

В условиях языковой вариативности и процесса стандартизации литературного языка перевод становился лабораторией новых терминов и синтаксических конструкций. Важно, что такие нововведения закреплялись не абстрактно, а в конкретных сюжетах и аргументах. Это снижало барьер освоения: читатель понимал новое слово через контекст, а не через словарь. Переводные сюжеты давали читателю возможность сравнивать социальные практики. Это сравнение использовалось как доказательство того, что реформы возможны: «у других» существует школа, дисциплина труда, публичная ответственность – значит, и в Туркестане это

достижимо. Здесь мировая литература выступала языком «проверки реальности»: она показывала альтернативные модели поведения и институций, которые можно обсуждать без прямой политической декларации.

Литературная критика как педагогика чтения

Если перевод переносил сюжет и форму, то критика переносила критерии. Джадидская периодика активно работала с вопросом: как читать правильно. Под «правильно» понималась не только грамотность, но и способность извлечь смысл, соотнести его с жизнью, сформулировать вывод, вступить в обсуждение. В таком подходе критика становится продолжением школы: она задает нормы интерпретации и предлагает модель публичного рассуждения.

Критические тексты часто демонстрировали три принципа.

- *Принцип полезности.* Чтение оправдывается общественным благом: через чтение человек улучшает себя и, следовательно, общину. Этот тезис связывает литературную культуру с этикой ответственности, делая читателя социальным субъектом.
- *Принцип понимания.* Механическое чтение без интерпретации рассматривается как недостаточное. Читатель должен уметь объяснить, почему герой поступил так, какие последствия наступили, какую норму можно вывести. Тем самым критика обучает причинному анализу.
- *Принцип обсуждаемости нормы.* В критике норма нередко обосновывается аргументом, а не авторитетом. Это важно для формирования современной публичности: если норма обсуждается, читатель учится участвовать в коллективном согласовании смысла. В результате критика превращается в тренировку гражданской

рациональности, что соответствует пониманию джадидизма как культурной реформы публичного пространства (Khalid, 1999).

В рамках рецепции мировой литературы критика решала дополнительную задачу: «перевод смыслов». Даже точный перевод не гарантирует релевантности. Критическая рамка объясняла, почему сюжет важен для местного читателя, каким образом его можно применить к проблемам школы, семьи и общественной этики. Таким образом, мировая литература становилась не чужим украшением, а рабочим материалом для локального обсуждения.

Театр как канал рецепции и расширения аудитории

Театр в джадидской культурной политике выступал как инструмент воздействия на массовую аудиторию. В условиях неоднородной грамотности сценическое действие обладало очевидным преимуществом: оно делает идею «видимой» и коллективно переживаемой. Периодика, поддерживая театр, фактически расширяла свой социальный охват: даже нечитатель мог стать участником культурной реформы через спектакль, а затем – через обсуждение спектакля в газетной среде.

С точки зрения рецепции мировой литературы театр функционировал в нескольких режимах.

Драматический текст отличается от прозы тем, что он предполагает исполнение. Когда периодика публикует сцену или обсуждает пьесу, она вводит читателя в новую форму культурного опыта, где смысл производит не только слово, но и действие, мизансцена, коллективная реакция. Это усиливает педагогический эффект: норма поведения демонстрируется как событие, а не просто проговаривается.

Объявления о постановках, сведения о местах и времени спектакля, краткие рецензии создавали «каркас участия».

Периодика тем самым организовывала аудиторию, превращая театр в регулярную культурную практику. Это важно: модернизация требует повторяемости, иначе культурный импульс остается разовым.

Исследования театральной модерности в регионе подчеркивают, что сценическая форма часто соединялась с моральной и социальной проблематикой: критикой коррупции, невежества, бытовой жестокости, паттернов власти (Adams, 2005). Такой театр близок к публицистике, но обладает более сильным эмоциональным и коллективным воздействием. Через театр мировая литература могла входить в общество не как «классика», а как практическая моральная модель, применимая к локальным конфликтам.

В более широком историческом контексте театр и печать участвовали в формировании литературных институций: публичных критериев, авторитетов, жанрового канона. Анализ литературной политики показывает, что эти процессы не сводятся к эстетике; они связаны с распределением культурного статуса и с борьбой за право определять норму (Allworth, 1964). Поэтому театральная линия рецепции мировой литературы в джадидской периодике имеет институциональное значение: она формировала культурное поле, где новая литература и новые жанры становились социально признанными.

Парекст – объявления, подписка, книжные сообщения, организационные заметки – на первый взгляд выглядит «вспомогательным». Однако именно он делает культурную реформу практически осуществимой. Парекст отвечает на вопрос: как читателю стать читателем. Где взять номер, как оформить подписку, где купить книгу, как узнать о спектакле, как присоединиться к публичному событию.

Парекст выполняет три функции.

- *Функция доступа.* Чтение требует материальной возможности: книги, газеты, места распространения. Парекст обозначает каналы доступа и тем самым расширяет аудиторию.
- *Функция дисциплины.* Подписка формирует регулярность: читатель заранее принимает обязательство получать номер. Регулярность превращает чтение в привычку, а привычка – в культурную норму.
- *Функция участия.* Объявление о постановке или публичном чтении переводит культурный смысл в действие: прийти, увидеть, обсудить, поддержать. В этом отношении парекст является механизмом социальной мобилизации.

Ниже приводится обобщающая таблица, фиксирующая основные практики, через которые перевод и театр включались в газетно-журнальный проект модернизации.

Медиальная практика	Форма в периодике	Что переносится из мировой литературы	Функция в модернизации
Перевод фрагмента	Короткий перевод + редакционная рамка	Сюжет, образ, лексика	Тренировка чтения, расширение языка
Пересказ и адаптация	Сжатое изложение с моральным акцентом	Фабула и конфликт	Социальное наставление через пример
Критический комментарий	Заметка/эссе о жанре и авторе	Критерии чтения, жанровая навигация	Формирование читателя-интерпретатора
Театральная рубрика	Анонс, рецензия, публикация сцены	Драматическая модель поведения	Коллективная педагогика и общественная дискуссия
Парекст страницы	Подписка, книжные новости, объявления	Каналы доступа к текстам	Инфраструктура участия и дисциплина чтения

Таблица 1. Практики рецепции мировой литературы в джадидской периодике и их функции

Рецепция

мировой литературы через перевод и театр предполагает учитывать реальные режимы потребления культурного материала. В Туркестане начала XX века читательская аудитория была неоднородной: разные уровни грамотности, разные социальные среды, разные языковые практики. В этих условиях периодика работала не только с индивидуальным чтением, но и с коллективными форматами.

Коллективное чтение (в школе, в кружке, в семье) усиливало педагогический эффект переводов. Малый жанр удобен для чтения вслух и обсуждения. Драматическая сцена удобна для разыгрывания. Очерк удобен как модель аргументации. Периодика, выбирая компактные жанры, фактически учитывала эти практики и подстраивалась под них.

Театр, в свою очередь, расширял аудиторию за пределы читателей. Это особенно важно: культурная модернизация не может ограничиваться узкой группой грамотных. Публичный спектакль превращает реформаторскую идею в коллективное событие и создает эффект социального доказательства: если люди

собираются, обсуждают, реагируют, значит, новая культурная норма становится значимой.

Таким образом, перевод и театр в связке с печатью формировали многоуровневую систему: текст – обсуждение – событие – обсуждение. В этой системе каждый элемент усиливает другой: перевод дает содержание, критика дает критерии, театр дает событие, парекст дает инфраструктуру.

Обсуждение

Сделанные наблюдения позволяют сформулировать несколько выводов, имеющих не только историко-литературное, но и методологическое значение.

Первый вывод: перевод в джадидской периодике следует интерпретировать как педагогическую технологию. Его эффективность обеспечивается не точностью в узком смысле, а способностью конструировать читателя, задавать стандарты интерпретации и формировать привычку регулярного чтения.

Второй вывод: театр выступает не вторичным «приложением» к печати, а самостоятельным каналом рецепции мировой литературы, особенно важным для

расширения аудитории. Театр обеспечивает коллективное переживание нормы и создает условия для обсуждения, что повышает социальную действенность культурной реформы.

Третий вывод: парекст является инфраструктурным ядром рецепции. Без подписки, книжных сообщений и объявлений о постановках культура остается «возможностью», но не становится практикой. Парекст переводит культурный смысл в социальное действие.

Четвертый вывод: рецепция мировой литературы у джадидов носит характер культурного посредничества, а не копирования. Внешний текст становится ресурсом для локальной модернизации: через него обсуждаются школа, мораль, трудовая этика, гражданская ответственность. Это согласуется с более общим пониманием культурной реформы как процесса, где новые жанры и институты формируют новый тип публичности (Khalid, 1994; Anderson, 1983).

Заклучение

Перевод и театральная культура в джадидской периодике Туркестана начала XX века функционировали как взаимосвязанные инструменты рецепции мировой литературы и как технологии производства современной публичности. Перевод обучал чтению и аргументации, критика формировала критерии интерпретации, театр расширял аудиторию и превращал норму в коллективное событие, а парекст создавал инфраструктуру доступа и участия.

Обращение к мировой литературе в данном контексте следует понимать как стратегию культурного посредничества. Она не отменяла локальных традиций, но перестраивала культурный язык и общественные практики вокруг печатного слова и публичного обсуждения. В результате мировая литература становилась частью проекта просвещения, а периодика – механизмом, переводящим культурные смыслы в социально устойчивые практики.

References:

1. Adams, L. L. (2005). Modernity, postcolonialism, and theatrical form in Uzbekistan. *Slavic Review*, 64(2), 333–354. <https://doi.org/10.2307/3649987>
2. Allworth, E. (1964). *Uzbek literary politics*. Mouton.
3. Anderson, B. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso.
4. Khalid, A. (1994). Printing, publishing, and reform in Tsarist Central Asia. *International Journal of Middle East Studies*, 26(2), 187–200.
5. Khalid, A. (1999). *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. University of California Press.
6. Maguire, M., & McAteer, M. (Eds.). (2024). *Translating Russian literature in the global context*. Open Book Publishers. <https://doi.org/10.11647/OBP.0340>